

Глава 5. Ты меня жизни учишь?

Облака лениво плыли по небу, мир застыл в безмятежном покое.

В теплом мареве заката то и дело слышались трели Птиц Ли; воздух был чист и прозрачен.

— Говори прямо, — мужчина в черном бросил на него короткий взгляд.

Цзян Чаншэн развел руками и невинно улыбнулся:

— Не будь таким холодным, вчера мы ведь отлично провели время. Послушай... у тебя ведь есть истинный облик? Дашь взглянуть?

— Хочешь, чтобы я тебя сожрал? — безразлично спросил Мо Ци.

Цзян Чаншэн лишь усмехнулся:

— Мне еще не доводилось видеть Цюнци во всем его героическом величии. Если увижу сегодня — и умереть будет не жалко.

«Наверное, в «Дневнике деликатесов Гор и Морей» он не отображается именно потому, что я не видел его настоящую форму», — подумал он.

После порции откровенной лести Мо Ци ничего не ответил. Он лишь молча разглядывал повара, и в его глазах, подобных звездному свету в глубине небесной лазури, читалось раздумье.

Цзян Чаншэн приподнял рыбу-птицу и добавил:

— Только один разок гляну — и сразу за рыбу примусь.

Мо Ци помолчал и бросил:

— Жди.

Бум!

В следующее мгновение раздался громopodobный удар. Прямо перед Цзян Чаншэном возник исполинский тигр с огромными крыльями за спиной. Покрытый густой, жесткой шерстью, он выглядел невероятно величественно и грозно. Чудовище возвышалось над человеком, глядя на

него сверху вниз, а затем широко раскрыло пасть и издало рев, сотрясший небеса и землю!

— Р-р-ра-а-а!

Гора содрогнулась, листва дождем посыпалась с деревьев. Троица зверей, спрятавшаяся за толстым стволом неподалеку, задрожала от ужаса.

— Довольно, уже достаточно, — выдохнул Цзян Чаншэн.

От этого рева в ушах до сих пор стоял звон. Рядом с этим гигантом он чувствовал себя крошечным и беспомощным. Даже зная, что зверь не причинит ему вреда, он не мог подавить инстинктивный трепет перед такой сокрушительной мощью.

Только сейчас он по-настоящему понял, почему Ли Хунгуан и его сильные спутники так боялись этого человека.

Цюнци, проигнорировав слова Чаншэна, смерил «своего» человека высокомерным взглядом и припал к земле. Он замер, в упор глядя на мужчину. В этих кровавых глазах мерцали искры, похожие на далекие звезды; казалось, если всмотреться в них слишком глубоко, можно утонуть в багровом океане и навсегда потерять рассудок.

«Какие красивые глаза...»

Лишь спустя добрую минуту Цзян Чаншэн пришел в себя. Он подумал: «Неужели Цюнци так лег, чтобы его погладили по голове?»

Его хаски и рыжий кот всегда вели себя так, когда хотели ласки.

Немного помедлив, он протянул руку, намереваясь коснуться густого меха. Но не успел он коснуться шерсти, как чудовище внезапно разинуло пасть и проглотило его целиком.

Цзян Чаншэн: «...»

Вокруг мгновенно потемнело. В сыром, душном пространстве невозможно было ничего разглядеть, повсюду ощущалась какая-то липкая влага.

Он сохранил напускное спокойствие и похлопал ладонью по тому, что было вокруг:

— Ты ведь хотел рыбу. Если сожрешь меня, готовить будет некому.

Хотя на душе все же было тревожно.

Бам.

Внезапно пустота под ногами исчезла, и Чаншэн приземлился на мягкую траву.

Дымка рассеялась, Мо Ци снова принял человеческий облик. Он убрал подавляющую ауру и равнодушно посмотрел на повара. Свет заката, падающий на его бледную, как холодный нефрит, кожу, добавил облику капельку тепла.

— Это еще зачем? — спросил Цзян Чаншэн, не до конца оправившись от испуга.

— Просто напоминаю: никогда и никому не доверяй. Тем более свирепому зверю, способному оборвать твою жизнь в мгновение ока, — спокойно ответил Мо Ци.

В этот момент его взгляд словно затуманился, будто он вспоминал кого-то из далекого прошлого.

«Ты меня жизни учишь?»

Что бы ни крутилось в голове у Чаншэна, на лице его заиграла мягкая улыбка:

— Хорошо, усвоил. Спасибо за науку.

На самом деле Чаншэну очень хотелось сказать: «Обижай кого угодно, только не своего повара». Кто знает, что он может подсыпать в тарелку?

— Иду готовить, — буркнул он и, не дожидаясь ответа, подхватил бьющуюся рыбу-птицу и направился в кухню.

Там он достал «Дневник деликатесов Гор и Морей» и увидел, что в нем действительно загорелись пять отметок, а рядом с именем «Цюнци» появился рисунок крылатого тигра.

Цзян Чаншэн положил рыбу на разделочную доску. Та уставилась на него выпученными глазами, в которых читалась нескрываемая обида. После рева Цюнци она совсем сникла и не шевелилась, видимо, окончательно потеряв надежду на спасение. Чтобы рыба больше не мучилась, Чаншэн оглушил ее ударом ножа и принялся за дело.

Он решил приготовить «Рыбу под уксусным соусом по-сихуски». Разрезал тушку пополам, выбил челюстную кость и удалил её. Для красоты и лучшей пропитки соусом он сделал на боках глубокие надрезы в форме лепестков пиона.

Эта рыба была длиной больше локтя. Он действовал так же, как привык разделять обычного

карпа: сделал надрез в пяти сантиметрах за жабрами, а затем еще несколько с интервалом в пару сантиметров. Каждый раз нож доходил почти до самого позвоночника, но не перерубал его. Напоследок он сделал пару легких надрезов на плавниках-крыльях.

Воды в кастрюлю налил немного — боялся, что если её будет слишком много, плавники размокнут и испортят вид блюда. Когда вода закипела, он опустил рыбу и убавил огонь до минимума.

Спустя пару минут по кухне поплыл нежный, сладковатый аромат. В такие моменты его питомцы проявляли поразительное единодушие: трое питомцев в один ряд выстроились за окном, внимательно следя за каждым его движением.

— Хозяин, я так тебя люблю... — Эр Пан, рыжий кот, призывно зажмурился.

Цзян Чаншэн проверил палочкой готовность плавника и холодно отозвался:

— Любовь между представителями разных видов невозможна.

Сань Ва, сирийский хомяк, заговорил с предельно серьезным видом:

— Хозяин, я тоже тебя люблю. Мне будет горько, если ты не ответишь взаимностью, но я все равно буду любить. Ты для меня как солнце — прекрасное и недостижимое. Мне достаточно просто следовать за тобой.

Да Ша, хаски, коротко гавкнул:

— И я того же мнения!

Цзян Чаншэн: «...»

«Да любите вы не меня, а жратву».

Впрочем, слова этих прохвостов его позабавили. Но рыба-птица была всего одна, он и сам-то рассчитывал разве что на кусочек.

Он на мгновение задумался, не стоит ли отомстить Мо Ци за недавнюю выходку и скормить рыбу зверью, но передумал. Жизнь долгая, успеется.

— Идите играть. Вечером приготовлю вам ужин, — сказал он.

Услышав обещание, троица радостно умчалась прочь.

Цзян Чаншэн едва не пропустил нужный момент. Он поспешно сбрызнул рыбу заранее подготовленным соусом, чтобы придать ей нужный оттенок. Попробовал бульон: вкус был свежим, с легкой кислинкой — видимо, это и была уникальная особенность рыбы-птицы.

Затем он принялся за кисло-сладкую подливку. Оставил немного бульона, добавил чистой воды, соевый соус, леденцовый сахар и рисовый уксус. Перемешал и на медленном огне довел до загустения. В самом конце он щедро полил рыбу готовым соусом.

Из-за нехватки некоторых специй пришлось упростить рецепт, но результат все равно впечатлял. Мясо рыбы-птицы было плотным и само по себе обладало приятным вкусом, а выбранный способ приготовления идеально его подчеркнул.

Чаншэн вынес блюдо. Красиво разделанная рыба лежала на белоснежной тарелке, политая глянцевым соусом, который буквально сиял в лучах света. Надрезы раскрылись, превратив тушку в подобие распустившегося пиона. Подхватив палочками кусочек нежного мяса, он увидел, как соус на нем переливается на солнце.

— Медленно, — недовольно буркнул Мо Ци, но в его руке тут же материализовались серебряные палочки.

Он съел первый кусок. Сначала почувствовал свежую сладость, затем — легкий солоноватый оттенок. Кислое, сладкое, соленое и свежее сплелись в единый, уникальный вкус — яркий и совершенно не жирный.

— Ну как? — с нетерпением спросил Цзян Чаншэн.

Сам он был в восторге: ни одна рыба, которую он пробовал раньше, не шла ни в какое сравнение с этой.

Мо Ци работал палочками без остановки, но вслух лишь бросил:

— Сойдет.

Цзян Чаншэн подумал: «Выражение твоего лица говорит об обратном. Типичный случай: говорит одно, а думает другое».

Глядя на то, с каким аппетитом Мо Ци поглощает деликатес, повар решил, что маленькая проба на кухне осталась незамеченной.

— Ты отъел кусок, — в следующую секунду припечатал Мо Ци.

Цзян Чаншэн на мгновение смутился, но тут же взял себя в руки. Разве повару зазорно

пробовать свое творение?

Он кашлянул:

— Я боялся, что вышло невкусно, вот и снял пробу ради тебя.

— Ты съел половину, — Мо Ци остался беспристрастным.

—...Да неужели? Ха-ха, рыба больно мелкая оказалась. Один раз куснул — и нет половины.

Цзян Чаншэн поспешил сменить тему:

— Ты говорил, что рыба-птица водится на горе Тайцишань. Это далеко от Горы Небесного Императора? Может, стоит поймать еще парочку?

Мо Ци покачал головой:

— Не факт, что в следующий раз повезет. К тому же здесь они мелкие. В озере Вэньху на юге Восточного моря есть рыбы-птицы, которые больше не летают на запад. Там они вырастают до восьми чи в длину.

— Даже маленькая мошка — всё же мясо. Вижу, тебе понравилось, так почему бы не наведаться туда? — предложил Чаншэн.

Он рассуждал просто: если они попадут на гору Тайцишань, в дневнике загорится еще одна отметка, и задача будет почти выполнена.

— Ты слишком слаб, тебе лучше не соваться куда попало, — холодно ответил Мо Ци; его голос прозвучал чисто, как звон капли в ледяной пещере.

— Так у меня ведь есть ты! Кто посмеет тронуть повара самого Цюнци? Обидеть меня — значит, не уважать тебя! — Цзян Чаншэн предпринял попытку «найти опору в сильном плече».

Мо Ци снова помолчал, но в итоге сдался:

— Ладно.

Он словно вспомнил что-то и добавил:

— Только в следующий раз не будь таким приставучим.

Цзян Чаншэн: «?»

Решив отправиться в путь, Цзян Чаншэн велел своим зверям присматривать за домом и пообещал вернуться к вечеру. Троица пыталась было попроситься с ним, пустив в ход всё свое очарование, но он, хоть и погладил их по шерстке, остался непреклонен.

Цюнци принял свой истинный облик. Цзян Чаншэн взобрался ему на спину и крепко обхватил мощную шею. Шерсть зверя была совсем не мягкой — скорее жесткой, она неприятно колола кожу, но Чаншэну было всё равно: настроение у него было превосходное.

Он заметил, что после употребления духовной пищи стал быстрее, начал прыгать выше, да и в целом чувствовал себя гораздо крепче, чем раньше. Возможно, стоило позже расспросить Ли Хунгуана о методах совершенствования.

Цюнци совершил мощный прыжок и взмыл в небеса.

В ушах свистел ледяной ветер. Леса внизу стремительно уменьшались. Цзян Чаншэн набрался смелости и посмотрел вниз: горные пики утопали в густом тумане. Встречные птицы, завидев это колоссальное существо, в ужасе бросались врассыпную.

Спустя некоторое время впереди показались яркие радужные облака. Их дивные цвета, переплетаясь и сменяя друг друга, сияли в затухающем свете дня. Цзян Чаншэн замер в восхищении.

— Как красиво... — прошептал он.

Великолепное сияние завораживало, заставляя забыть обо всем на свете.

Чаншэн завороженно смотрел на небо, но Цюнци вдруг насторожился, что-то почувствовал.

Дзинь!

Раздался чистый, как звон бронзового колокольчика, звук. В следующее мгновение ослепительный луч света пронесся мимо Цюнци!

Миг — и этот свет подхватил человека, сидевшего на спине зверя, и мгновенно унес его вдаль.

Цзян Чаншэну казалось, что он видит сон. Когда сознание вернулось к нему, он обнаружил, что летит уже на другом существе — огромной семицветной птице.

— Ты кто такая?! — вскрикнул он от неожиданности.

В ответ он услышал нежный, мелодичный голос:

— Не бойся. Я спасла тебя из лап Цюнци.

Цзян Чаншэн: «???»

<http://bllate.org/book/17549/1708748>